

«...СОБРАНЬЕ ПЕСТРЫХ ГЛАВ»

В 1903 году студент историко-филологического факультета Московского университета Борис Садовской, будущий поэт, критик, автор исторических новелл, познакомился с В. Я. Брюсовым. После этого Садовской активно сотрудничал в «Весах», редактируемых Брюсовым. С 1919 года по рекомендации Брюсова и Андрея Белого Садовской становится сотрудником редакции журнала «Мусагет». Незадолго до Октябрьской революции он издает несколько отдельных сборников, где исторические реконструкции и воспоминания соседствуют с рецензиями, памфлетами и критическими статьями. В 1920-е годы и позднее он занимался редактированием новых изданий классиков. Но основным творческим делом литератора в эти годы становится воскрешение ушедших дней, лиц, событий, встреч. Черновики его мемуаров, разбросанные на отдельных листах школьных тетрадей, написанные карандашом, переданы в 1970 году знакомым Садовского в отдел рукописей Государственной библиотеки имени В. И. Ленина.

Более систематизированный машинописный вариант тех же воспоминаний хранится в ЦГАЛИ. Фрагменты из него, касающиеся встреч с Блоком, публиковались в журнале «Звезда» в 1968 году. Есть, однако, в мемуарах еще не опубликованные страницы, которые представляют интерес. Вот, например, рассказ о встрече с известным пушкинистом П. И. Бартевым:

«В. Я. Брюсов дал мне письмо о престарелому издателю «Русского архива» Петру Ивановичу Бартеву. Меня встретил маленький, обезьяно-подобный старичок на костыле. Мы поговорили. Он взял для журнала мою статью о Тургеневе, я стал у него бывать... Кого только не звал П[етр] И[ванович], с кем не встречался? Митрополит Филарет, Голицыны, Шереметевы, Воронцовы, Ермолов, Вигель, Вяземский, Плещеев, Нащокин, Соболевский, Одоевский, Хомяков, Аксаковы, Киреевские, Самарин, Тургенев, Достоевский (не разобрано), Тютчев, Фет, Победоносцев, Катков, словом, все государственные люди, писатели и ученые второй половины прошлого столетия для Бартева были живыми и близкими людьми. О Державине упоминал он как о добром знакомом. Певец Фелицы был знаком с отцом Бартева. Знаменитый ереванский гусар Бурцов приходился ему дядей. Жуковский приглашал его в домашние наставники для своих детей. Он слушал лекции Погодина и Шевырева. Было как-то странно и страшно даже беседовать с человеком, знавшим современников Екатерины Великой. Ему Чадаев рассказывал про лицейские проказы Пушкина. С ним Гоголь говорил о переводе Одиссея за чайным столом у Сергея Тимофеевича Аксакова.

Бартев обожал Пушкина, иногда принимался он мерно декламировать:

Но так и быть:

*рукой пристрастной
Прими собранье пестрых глав
Полумечальных, полупечальных,
Простонародных, идеальных...
Ах, какой Пушкин милый! Скажите
мне, отчего он такой милый? Милый —
было любимым словом Бартева...*

Наиболее ценны, на наш взгляд, страницы воспоминаний Б. А. Садовского, касающиеся его встреч и общения с В. Я. Брюсовым. Хотя это все-таки лишь сжатый, небольшой этюд, страдающий в некоторых местах свойственной автору беглостью и излишней категоричностью характеристик, тем не менее мемуары представляются весьма интересными как еще один документ растущей «Брюсовианы». В нем есть не только штрихи брюсовского характера и литературных вку-

сов его, но «приметы времени», окружение молодого Брюсова. Предлагаем эти мемуары вниманию читателей «Литературной России».

«Летом 1903 г. впервые попалась мне в руки так называемая «декадентская» литература: альманахи «Скорпион» и «Грифа», журналы «Мир искусства», «Новый путь». Я сделался ярким и убежденным «декадентом», не вполне понимая, что это значит, и смешивая в одну кучу Мережковского и Брюсова, Кречетова и Блока. Факелы русского символизма в то время трепетали ярким и вдохновенным пламенем.

Не знаю почему, из представителей русского декадентства мне больше всех нравился Валерий Брюсов. Вероятно, меня привлекала к нему чеканная четкость его тогдашнего облика. В статьях и рецензиях Брюсов являлся строгим теоретиком и убежденным защитником нового искусства. Все свои выводы он подтверждал на деле в искусно скомпонованных стихотворениях.



В. БРЮСОВ. Дружеский шарж В. ДЕНИ (Денисова) из «Журнала-Журналов», № 17 за 1915 год.

Осенью (1903 г. — Н. Р.) отправил Брюсову тетрадь стихов и через две недели пошел к нему.

Цветной бульвар. Обычная пестрота и грязь этого уголка Москвы. Желтые облетевшие листья на бульваре, крикливые крики ворон.

От площади, справа по бульвару, минуя три или четыре квартала, виднелись серые ворота с выдвинутой «Дом Брюсовых». Я звоню и оградного входа. Меня встречает высокий суровый старик — отец поэта. Он указывает мне отдельный флигель в глубине двора.

Подъемаюсь по широкой холодной лестнице во второй этаж. У двери висит маленькая карточка «Валерий Брюсов».

Квартира Брюсова очень невелика. Рядом с передней кабинет хозяина. Здесь у окна письменный стол с чернильницей стиля модерн. По стенам книжные полки и портрет Тютчева. Валерий Яковлевич любезно встречает меня и просит садиться. Брюсову тогда не было еще полных тридцати лет. Стройный, гибкий, как на пружинах, в черном сюртуке, он очень подходил на свою фотографию в каталоге «Скорпион», приложенном к первой книжке «Весов».

Врублевский портрет, по-моему, чрезмерно стилизован: в выражении лица и особенно глаз есть нечто жестокое, даже злое. На самом деле Брюсов отличался изысканной мягкостью во обращении.

После обычных вопросов, откуда я родом и на каком факультете, Брюсов сказал:

— Ваши стихи меня не увлекли. Это шаблонные стихи, каких много. В них нет ничего оригинального, своего. Стихи Тютчева вы, например, узнаете сразу, Андрея Белого — тоже. Про ваши этого сказать нельзя. Не скажешь: это писал Садовской. Необходимо выработать свой собственный стиль и свою манеру. Конечно, это не всякому дается сразу. Крылов только к 50-ти годам стал гениальным баснописцем, а до тех пор сочинял плохие драмы. Тютчев же писал всегда одинаково хорошо. Читая ваши стихи, я

никак не мог вобразить себе не вашего лица, ни цвета ваших волос.

— Я тоже не мог себе представить, когда читал вас, Брюнет вы или блондин.

Брюсов пропустил мое неуместное замечание и продолжал:

— Надо быть точным в выборе эпитетов. Вот у вас сказано в одном месте «слад ароматною серезою». Действительно, береза бывает иногда ароматна, но что может дать читателю этот трафарет? Зачем выдумывать? Надо было уметь так писать, чтобы ваши стихи глотали и жевали читатели. Музыкант передает ощущаемые им звуки пальцами, а поэт — словами. Задача обоих — покорить внимание публики в посредстве мертвого материала «языка» слова и звуки к действительной жизни.

— Сдвнко какая масса не понимает Бальмонта.

— Да, над ним многие смеются, но что ж из этого? Не всем дана способность ценить искусство. Лично я считаю Бальмонта одним из величайших поэтов наших дней, но не могу входить по гостинице и читать всем «будем как солнце», не понимаю, тем хуже для них.

В заключение Брюсов отозвался с похвалой о юном поэте Викторе Гофмане. Гофман был годом меня моложе и учился на юридическом факультете. Это был скромный близорукий юноша в пенсне с землистым лицом в больших, будто испуганными глазами.

26 ноября (1903 г. — Н. Р.) Брюсов пригласил меня к себе на вечер. То была одна из его обычных «сред». В маленьком кабинете в небольшой столовой гостил гость. Тут были глава издательства «Скорпион», смешливый, всегда навеселе С. А. Поляков, сумрачный Балтрушайтис, жирный Волошин, плотный студент-филолог Пантюков, поджарый фетвянец (поклонник музы А. А. Фета. — Н. Р.) Черногоубов...

Бадунская хозяйка Исанна Матвеевна и сестра ее, изящная Б. М. Рунт, оживляли общество. Я сел с Пантюковым в уголок; хозяин часто подходил к нам, заговаривая и предлагая вина. Балтрушайтис в Волошин читали свои стихи. Брюсов обратился ко мне с просьбой прочесть что-нибудь. Я прочитал, смущаясь, сухо, неверным голосом.

— Точно доклад читали, — заметил Брюсов.

13 марта (1904 г.) в Историческом музее на лекции Бальмонта «Уолт Уйтмен» встретил я Брюсова.

— Что вы никогда не зайдете в «Весы»?

— Зайду непременно подписаться.

— Да не подписаться, в я вам дам работу. Приходите во вторник.

В ближайший вторник я явился в редакцию «Весов». Здесь, кроме Брюсова, были каменщик, с красным носиком, тщедушный Бальмонт, Вячеслав Иваньков, небрежно одетый, с пряхкой от галстука на затылке, похожий на провинциального педагога, и жена его Зинаида-Аннибал, полная подризованная дама. Брюсов вручил мне для редакции брошюру Боцяновского о Еерсееве. Рецензия была набрана, но не успела войти в апрельскую книжку и осталась у меня в корректурах.

Вместе с редактором «Весов» Поляковым на вторниках бывали: фактический редактор Брюсов, Бальмонт, Андрей Белый, рассеянно-нервный юноша в пышных кудрях; Вячеслав Иванов, Балтрушайтис, Пантюков, быстроглазый с нежным профилем Лаврдинупол, полутрех, полулатынец, впоследствии секретарь «Весов». Из художников — угрюмо-желчный, в безукоризненно модном костюме Феофилакт, высокий, длиннолицый, в бархатной куртке Россинский, скромный и тихий Арапов. Раз я встретил здесь Борисова-Мусатова, молчаливого болезненного гербуна.

В «Весях» можно было видеть знатока немецкой литературы М. Я. Шика, с пробором и моноклем, и поэта А. А. Курзинского: это был один из первых символистов: низенький, обидчиво-мнительный блондин с бородкой.

Сотрудники побаивались Брюсова...

Публикация Н. РАБКИНОЙ